

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Литературное приложение к газете «Абхазский меридиан» № 2

Механизм раннего реагирования по укреплению мер
договора (COBERM/КОБЕРМ)

КОБЕРМ финансируется Европейским союзом
и управляется Программой Развития Организации
Объединенных Наций

Современная грузинская литература представлена в нынешнем номере литературного приложения рассказом молодой писательницы **Теоны Долоенджашвили**, автора сборника «Январская река» и романа «Мемфис». Она – дважды лауреат литературной премии «Саба» и

Федай

Взяла у командира. Она о государстве мундиров, об Аламутской крепости и о федаях – первых террористах-самоубийцах. Сейчас я знаю, что эту книгу мне уже не придется закончить, но прочитанные страницы я все-таки отметила своей, цвета латуни, шпилькой, которая вряд ли мне еще понадобится.

15 часов 10 минут

Я стою у зеркала и подри-совываю глаза. Завязываю шнурки на спортивных кедах. Скидываю на плечи рюкзак и прячу провода в рукавах. Короче говоря, готовлюсь. Командир уже объяснил мне все, что я должна сделать. В пять часов в «Импрессионистах» устраивается грандиозная выставка-акция. Ожидается, что в ней примут участие несколько сенаторов. Вот там я и должна взорвать себя... Прощаюсь с девочками. Еще раз проверяю проводку и часы. Сали смеется и машет мне рукой. «Скоро встретимся, Аминат!» – весело окликает она меня на прощание. У нее это получается не хуже, чем у ее брата.

15 часов 20 минут

Спускаюсь по сверкающему, пестрящему рекламой, эскалатору в метро. Перехожу на вторую линию станции «Шарль де Голль». Вхожу в вагон, и в тот же миг этот мир срывается с места и мчится мимо меня. С любопытством вглядываюсь в попутчиков. Все сосредоточены, ушли в себя, буквально погребены в самых глубинах подсознания. Среди них, вполне возможно, есть и те, кто разделит мое счастье и последует за мной в завораживающие красоты сада смерти. И тогда, кто знает, может и найдется хотя бы один, кто поймет, что суэта посреди бешеной пляски слепящего блеска, которую они называют жизнью, – это ложь, а то единственное, подлинно настоящее, совсем в другом месте.

15 часов 32 минуты

Улица – это всегда неизведанный мир, полоса от-

чуждения. Я разглядываю витрины магазинов и кафе, лепящихся один к другому на проспекте. Захожу в маленький, со вкусом оформленный, бутик и выбираю самый красивый шарф. «Прекрасная вещь, батика», – одобряет мой выбор продавщица, затем идет к прилавку и тщательно заворачивает мою покупку. Я уплачиваю и на листочке бумаги пишу адрес. Вещь очень дорогая, но мне не жаль денег. Это мой последний подарок. Его завтра получит моя мать в свой день рождения.

15 часов 37 минут

Спешить некуда, можно где-нибудь и передохнуть. Сейчас всего лишь половина четвертого, а впереди – вечность. Время тянется невыносимо, нескончаемо... Выбираю кафе «Ла кампос», потому что оно расположено очень красиво, и, к тому же, из него мне виден фасад «Импрессионистов». Я сажусь у остиленной стены так, чтобы видеть улицу. Люблю смотреть на снующих туда и сюда, занятых своими хлопотами, людей. Все куда-то спешат – на выставки, или на ланч, а может быть и на свидание, никому и невдомек, что есть всего лишь один единственный путь, и всем под конец придется пойти по нему, хотя и с разными проездными билетами. Гарсон приносит кофе и поджаренный миндаль. Кофе густой, как шоколад, и очень ароматный. Тут же рядом с миндалем и кисловатая вишня, и вяленые кусочки персика. Жаль, что не могу снять рюкзак и вытянуться со всеми удобствами в кресле. Я медленно пью кофе, в

победитель ежегодного литературного конкурса *Реп-марафон (2007)*. Предлагаемый рассказ «Федай» в 2004 году отмечен в Грузии как лучший рассказ года.

Поэты **Виталий Амаршан, Сергей Агындиа, Гунда Куцниа, Рауль Ласуриа, Анатолий Лагулаа**, чьи произведения вошли в публикуемую ниже подборку, относятся к числу тех мастеров слова, творчество которых определяет сегодняшнее лицо абхазской поэзии. Мы рады возможности познакомить читателей нашего приложения с их стихотворениями в переводе на русский язык.

Гурам ОДИШАРИЯ

15 часов 45 минут

В кафе стоит тихий, немолчный гул. Время от времени поглядываю на центральный вход в галерею. За столом напротив кто-то шелестит газетой. Завтра на первых страницах всех газет буду я, и мои многочисленные братья и сестры будут продавщица, затем идет к прилавку и тщательно заворачивает мою покупку. Я уплачиваю и на листочке бумаги пишу адрес. Вещь очень дорогая, но мне не жаль денег. Это мой последний подарок. Его завтра получит моя мать в свой день рождения.

Я чувствую пристальный взгляд...

15 часов 45 минут

Я вас не побеспокою, если сяду за ваш столик? Все места заняты, – моло-

вор с ним доставляет мне удовольствие. Совсем неплохо, если в этом мире у меня останется хоть одним знакомым больше.

Тамир угощает меня апельсиновым соком. Рассказывает о себе. Оказывается, что университет он уже окончил и сейчас работает в банке. Обогает просто вот так слоняться по парижским улицам, любит кино и футбол.

– А ты чем занимаешься? – он пытается угадать мою профессию.

– Я – федай и ровно через час должна взорвать себя, – из чистого озорства говорю ему правду. Почему бы и нет, ведь я знаю, что он мне все равно не поверит. Он смеется: если у девушки такие

внутренний мир, зачем так близко допустила до себя, зачем говорю ему то, чего никогда и никому не говорила! Хотя бы уж не смотрел на меня так...

– И хорошо тебе платят за это? – он пытается улыбнуться.

– Очень хорошо. Я могла бы быть обеспечена на всю жизнь, хотя, ты, конечно, понимаешь, что этих денег мне не видать. Их выслали бы моей семье, но я решила перечислить их в помощь малолетним сиротам-палестинцам.

– Какая она... смерть?

– Я думала об этом... Мне кажется, что будет очень круто. Я уже чувствую это. Такой счастливой я еще никогда не была.

Смешливость давно уже сползла с лица Тамира. Он тщательно гасит сигарету в массивной пепельнице из прозрачного стекла и наклоняется ко мне. Я чувствую его дыхание и жизнь, пульсирующую в каждой клеточке его тела. Теряюсь и отвожу глаза...

– И кого же еще ты должна взорвать?

– Парочку сенаторов. Возможно, еще несколько, ни в чем не повинных, кто попадет по чистой случайности, но по этому поводу не стоит особо переживать. Все равно французам в каждом арабе мерещится террорист.

– Послушай, оставь политику другим. Ты детей растить должна.

– Но ведь завтра могут убить и моих детей.

– И что же, ты решила кого-то опередить?

Я посматриваю в сторону галереи. У «Импрессионистов» показались первые посетители.

– Ты этого не поймешь. Возможно, не поймешь никогда. На небесах я буду гурией, и, благодаря мне, в рай смогут попасть тридцать самых близких мне людей.

Он впивается в меня взглядом. Смотрит долго, не отводя глаз, и с сочувствием, хотя, возможно, мне это только кажется.

– Зачем ты говоришь о таких вещах? Неужели жизнь настолько потеряла для тебя смысл? – мягко и очень тихо произносит он.

– Нет, с чего ты это взял? Я очень люблю жизнь, поэтому так и тороплюсь.

Сидим молча, не издавая и звука, как зачарованные, уставившись в глаза друг другу. Какая нелегкая принесла этого парня! И именно сейчас, когда мне до смерти осталось около двух десятков минут. И зачем только я позволила ему вторгнуться в мой

Сидим молча, не издавая и звука, как зачарованные, уставившись в глаза друг другу. Какая нелегкая принесла этого парня! И именно сейчас, когда мне до смерти осталось около двух десятков минут. И зачем только я позволила ему вторгнуться в мой

дой парень, араб. На нем черная майка и потертые джинсы.

Он заказал пиццу. Видно, не страдает отсутствием аппетита.

– Здесь отлично ее готовят, – улыбается. – Меня зовут Тамир, а вас?

– Аминат.

– Вы очень красивая, и ваше имя подстать вашей красоте, – непринужденно парня подкупает, не смотря даже на то, что он очень уж стремительно идет на сближение. Возможно, понимает, что у меня мало времени.

– Знакомства вы всегда начинаете с комплиментов?

– Отнюдь. Это впервые. Прежде чем подойти к вам, я на вас смотрел издали. У вас необыкновенные глаза. Я смотрю на часы.

– Вы куда-то торопитесь?

– Да. Меня ждут в раю. – С наслаждением за вами туда последую, но думаю, что это ни к чему, ведь рай именно там, где находитесь вы.

У моего соседа исключительный талант по частым комплиментов. Разго-

16 часов 25 минут

Неужели это возможно – влюбиться в течение нескольких минут? Сейчас, наверное, все возможно. Но ведь это иллюзия! Коварная иллюзия, которую тебе подбрасывает жизнь, она сбивает тебя с пути истинного, наполняет пьянящим ощущением того, что плоть твоя жива. Опутывает тебя сетями столь зыбкой сиюминутности и даже раскрывает перед тобой неведомые просторы...

– Наверное, вот так и выглядят роковые женщины, – говорит мне Тамир. – Как хорошо, что я зашел сюда, в «Ла кампос», и встретил тебя. Ни с кем ничего подобного я еще не испытывал.

– Это безумие... Извини, я должна идти, – пора ставить точку в этой опасной игре с жизнью.

– Не уходи, я очень тебя прошу, – умоляюще произносит Тамир и прижимает ладонь мою руку. – У меня такое чувство, что если сейчас ты уйдешь, то я тебя больше никогда не увижу. Всего лишь несколько минут...

Разве он может понять, что эти несколько минут – целая жизнь, вернее, та ее крупница, которая мне отведена... Что я не имею права ни на минуту промедления, что не могу ни думать, ни любить, поскольк мысли – это страх, а чувства – слабость.

– Я на самом деле очень спешу. Сейчас я должна уйти, а... с тобой я встречу завтра.

Федай

Окончание

Его глаза мгновенно просияли. Я еще раз убеждаюсь, что мы всегда остаемся пленниками своих желаний.

- Здесь же, и в это же время, - мне кажется, что у него даже дрожит голос. Я беззащитна перед его наивностью и детской доверчивостью. Сердце у меня сжимается. Это глупость, немислимая глупость, глупость, которую даже невозможно себе представить, и, тем не менее, я его люблю.

- Да, здесь же, и в это же время, - шепотом повторяю я, стараясь отвести глаза в сторону. Чувствую влагу на своих ресницах. Что это со мной? Мне только этих слюнявых сантиментов не хватало... Чувствую на своем лице его горячее дыхание. Его губы касаются моих губ... Уличный шум, скрежет, гул, различные шорохи пропадают где-то вдали. Меня обволакивает белый, одурманивающий, лишающий последних сил, туман... Я тоню в нем...

16 часов 43 минуты

Мы расстаемся у входа в «Импрессионистов». Не хочу, чтобы он видел, как я вхожу в галерею, поэтому дожидаюсь, когда Тамир уйдет. Засунув руки в карманы, он идет, не торопясь, вдоль длинной, пестрящей

рекламами и витринами, улицы. Солнце кое-где пробивается сквозь покрытое облаками небо. В его лучах дома выглядят неприлично голо, как уложенные на ладонь яйца. Мне кажется, что улица тянется в бесконечность, и где-то там, вдали, растворяется в небосклоне...

Я вхожу в галерею через центральный вход. Концы, спрятанных в рукавах куртки проводов, я сжимаю в ладонях. Зал полон посетителей. Среди них много людей в форме. Все мои чувства напряжены до предела, мысль работает молниеносно и удивительно четко, обострившаяся интуиция, как обнаженный нерв, безошибочно подсказывает мне, как вести себя, куда идти, что говорить и как улыбаться, чтобы не вызвать ни у кого и тени подозрений.

Спокойно я обхожу зал и рассматриваю развешанные на стенах произведения неоимпрессионистов. Брак, Пикассо, Леже... Портреты, натюрморты и пейзажи, изрезанные кубами и треугольниками. Живопись очень красивая, достаточно агрессивная, слегка тронутая, немного непонятная. Все эти полотна на грани реализма и абстракции, гармонии и дисгармонии, порядка и хаоса, они режут мне

глаз, и меня не покидает уверенность, что их авторы, творя, чувствовали и пережива-

лив в точности то, что ощущаю сейчас я.

Пожаловали и сенаторы... Масса репортеров и искусствоведов. На людей я не обращаю внимания. Будто их тела и лица всего лишь простейшие геометрические фигуры... Назойливо кричащие краски... Слишком

шумно... Напряжение во мне нарастает, чувствую, что концы проводов, зажатые в моих ладонях, становятся влажными от пота... Смерть трепещет в моих пальцах...

16 часов 55 минут

В моей голове мешанина мыслей, а перед глазами «Круговые формы» Делоне... Ровно через пять минут все закончилось. Это ложь, когда говорят, что вся прошедшая жизнь мгновенно пролетает перед глазами. Ничего подобного, никаких мелькающих картинок из прошлого. Единственное, что я представи-

ла себе с предельной яркостью — ожидающего меня в «Ла кампосе» Тамира, зеленые сады и, почему-то, песчаный берег моря, да и то, всего лишь на секунду. И все вновь поглотил неумолчный гул выставочного зала галереи. Рядом с одним из сенаторов я разглядела при-

зрачную фигуру моего, уже давно скончавшегося, отца. На нем старый, истрепанный халат, а в руках чашечка чая. Лежащими в черных тенях глазами он уставился в монументальное, монохроматическое панно Пикабиа. На меня даже и не оглянулся. А вот Баят, взорвавший себя два месяца тому назад в самолете, ко мне подошел. Он поправил укрепленный на теле «пояс шахида» и улыбнулся мне. «Обойдусь без помощников», - прошептала я. У меня остались лишь мгновения перед встрече с аллахом, и я понимаю, что уже в транс.

В дальнем углу зала экспозиции заиграли скрипки. Нет, это не плод моей безумной фантазии. Играют в действительности. Очевидно, это означает, что выставка открывается. Раздается беспорядочное щелканье фотоаппаратов и неумолчный гул беседы пришедшей на выставку общественности. Ни-че-го по-доб-но-го, ника-к а ю щ и х картин из прошлого. Единственное, что я представи-

ла себе с предельной яркостью — ожидающего меня в «Ла кампосе» Тамира, зеленые сады и, почему-то, песчаный берег моря, да и то, всего лишь на секунду. И все вновь поглотил неумолчный гул выставочного зала галереи. Рядом с одним из сенаторов я разглядела при-

16 часов 59 минут

Я недопустимо медлю, но потрясение от его неожиданного появления так велико, что я цепенею... На лице Тамира дрожит солнечный зайчик, отраженный огромным окном галереи; он улыбается и, лавируя в толпе, пробивается ко мне. Он - последняя преграда к моей встрече с аллахом, и остались лишь секунды, когда я и его своими руками отправлю по этому же пути. Как мне его остановить?! Как? Как?..

Явь окружающего мира в моем восприятии сменяется аляповатой композицией с какого-то кубистского полотна, застилающей пространство предо мной. Я закрываю глаза. Увы, все уже поздно... Решение принято. Приговор вынесен! Прости, Тамир... я не хотела. Ты сам этого пожелал. Я люблю тебя, Тамир! Ты разве не видишь?.. Во мне дрожит каждая клеточка, сердце безумно колотится, и мои слабые, посиневшие пальцы неотвратимо приближают конец...

Чувствую, как буквально вросшие в ладони оголенные концы проводов набухают, как переполненные кровью вены... Оставшиеся мгновения неумолимо пожирают пространство, что лежит между мной и любовью, между мной и смертью... Руки, тела, души сливаются и... смертельный круг сомкнулся!

Я - федай, я же тебе это говорила...

Из абхазской поэзии

Виталий Амаршан

Судьба

Пусть являются страхи воочию
И спирает дыханье в груди —
По отвесной скале днем и ночью
Ты на цыпочках прямо иди.

Кружит голову омут пространства,
Узок путь, но иди, как идешь.
На пути ты не должен метаться,
Все равно никуда не свернешь.

Этот путь указала свобода,
И на нем суетиться нельзя.
Принимай боль и радость народа,
Что идет, свою ношу неся.

Путь тревог, путь опасных мгновений,
От него легкой жизни не жди.
По отвесной скале поколений
Ты на цыпочках дальше иди.

Перевел с абхазского Юрий Кузнецов

Сергей Агындиа

Майским берегом ступая,
девушка у моря шла,
и, весною обдавая,
тайну юности несла.

В платье ситцевом, босая,
шла по берегу легко,
волосы перебирая,
в море глядя далеко...

Что глядит в простор свободный,
что несет ей чаек крик?
Может, ветер перелетный,
в мысли тихие проник?

Майским берегом ступая,
девушка у моря шла,
и, весною обдавая,
тайну юности несла.

Перевел с абхазского Владимир Гофман

Гунда Нуцниа

Ушли, кто дорог мне —
ушел и ты.
Пройдя сквозь Храм
Великого Молчанья,
сквозь глухоту,
тончайший слух изранив
и не заметив этого в пути...
Ушли кто дорог мне —
ушел и ты.

Небо было велико,
уж пролилось молоко.
В три рожденья,

Не в ступе толочь же нам воду!
Но Боже тебя упаси —
Подняться на нашу свободу,
Пошады тогда не проси.

в смерти три
я вгляделась по пути.
В трех рожденьях,
в трех колодцах
убаюкана была.
Муку той,
что зачерпнула,
а не радость принесла.

Изгороди троесмертья,
Заблудившись, перешла.
Троесмертья — след от пули
остается от меня.

Перевел с абхазского Адгур Кове

Рауль Ласуриа

Отчизна

Глупец, кто пичугою хилой,
Безродной считает меня.
Но просто о Родине милой
Пустая к чему болтовня?

нашу боль.

Тебе мы доверяем наши судьбы.
Ты растворяешь нас,
как влага — соль,
В последний час, когда сжимаем губы.

Но это после...

А пока нам дан
Удел — любить, и жить, и торопиться,
И не сгибаться в зимний ураган,
И над землей парить подобно птице.

Как шелкопряды — шелковую нить,
Мы тянем — накреняясь вправо-влево.
Пока она крепка — нам жить и жить!
Пока она цела — у нас есть Время!

И если оборвется,
если вдруг
Она бесшумно ночью оборвется,
Замедлит солнце, совершая круг,
И медленней весенний дождь прольется.

Перевел с абхазского Александр Щуплов

Я много метался по жизни,
Да мало досталось наград.
Но вечную цену Отчизне
Извечно я ведаю, брат!

Конечно, бывали ошибки,
Но если я предков предам,
Пусть пепел прозрачный и
зыбкий
К моим оседает следам.

Пускай и в могиле покоя
Не знать мне! И, прах опыля,
Пускай ненасытной тоскою
Мне станет родная земля.

Не дай испытать эту муку,
На долгих словах не лови.
Даруй мне простую науку
Святой молчаливой любви!

Перевел с абхазского Даниил Чкония

Анатолий Лагулаа

Земля

Земля! В тебе мы прачем